

KENISH ABILDAYEVA

Baishev University Aktobe
Kazakhstan, Aktobe
kenish_abildayeva@mail.ru

MERUERT AMANGAZIYEVA

Baishev University Aktobe
Kazakhstan, Aktobe
mika-230376@mail.ru

ALIYA YERGAZINA

Baishev University Aktobe
Kazakhstan, Aktobe
yergazina@mail.ru

KYRMYZY YESSENOVA

Baishev University Aktobe
Kazakhstan, Aktobe
kyrmyzy58@mail.ru

Abildayeva, K., Amangaziyeva, M., Yergazina, A., Yessenova, K. (2018). *Reprezentatsiya kontseptov “dobro” i “zlo” v yazykovoy kartine mira russkogo i kazakhskogo narodov*. [Representation of “the Good” and “the Evil” Concepts in Russian and Kazakh Language Picture of the World]. *Intercultural Communication*, ISSN 2451-0998, vol. 1(4)2018, pp. 21–36. (In Russian).

Representation of “the Good” and “the Evil” Concepts in Russian and Kazakh Language Picture of the World

ABSTRACT

In the article the linguistic interpretation of lexemes representing concepts “the good” and “the evil” in the language picture of the world in Russian and Kazakh people has been considered, the national and cultural originality of concrete ethnos have been emphasized. In particular, it has been specified that through moral categories, philosophical, cultural and esthetic concepts of a nationality cultural originality of people can be revealed.

Purpose: identification of the contents and structure of conceptual opposition “the good – the evil” through the system of their verbal representation means in Russian and Kazakh languages including the analysis of the lexical units representing conceptual opposition “the good – the evil” being the major field for the research.

Methods: interpretations of the text, observation, comparison, statistical, component analysis, comparative-historical method.

Conclusions: in the suggested work the concept of “good” and “evil” have been considered from two points of view. On the one hand, they have been seen as mental units showing understanding of words by an individual under the conditions of speech activity. The main concept’s function in this aspect is the replacement function which provides saving time and efforts when perceiving a text.

The most important features of the concept in this reference are the degree of its completeness, expansion in comparison with the word meaning; degree of the concept components proximity which are staticized in consciousness of different native speakers in one context. On the other hand, the concept has been considered as a block of collective knowledge (concept) of its national specifics and communication with features of the Russian and Kazakh cultures, history and mentality.

Keywords: *concept, language picture of the world, conceptual opposition good and evil.*

КЕНИШ АБИЛЬДАЕВА

Актюбинский университет имени С. Баишева
Казахстан, Актюбе
kenish_abildayeva@mail.ru

МЕРУЕРТ АМАНГАЗИЕВА

Актюбинский университет имени С. Баишева
Казахстан, Актюбе
mika-230376@mail.ru

АЛИЯ ЕРГАЗИНА

Актюбинский университет имени С. Баишева
Казахстан, Актюбе
yergazina@mail.ru

КЫРМЫЗЫ ЕСЕНОВА

Актюбинский университет имени С. Баишева
Казахстан, Актюбе
kyrmyzy58@mail.ru

Репрезентация концептов „добро” и „зло” в языковой картине мира русского и казахского народов

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается лингвистическая трактовка лексем добро и зло в языковой картине мира русского и казахского народов, подчеркивается национально-культурное своеобразие конкретного этноса. В частности, указывается, что именно через морально-нравственные категории, философские и культурно-эстетические понятия человек познает национально-культурное своеобразие своего народа.

Цель исследования: выявление сути и структурных компонентов концептуальной оппозиции „Добро – Зло” посредством средств ее словесно-языковой репрезентации в русском и казахском языках, включающих оценку лексики, репрезентирующих концепты добро – зло, представляющих важнейшее поле для исследования.

Методы исследования: интерпретации текста, наблюдения, сопоставления, статистический, компонентного анализа, сравнительно-исторический.

Результаты: в статье концепты добро и зло рассматриваются с двух точек зрения: как ментальные структуры в средствах речевой деятельности. Основная функциональная роль концепта в таком ракурсе – функция замены для усиления восприятия текста и экономия времени. Значимыми свойствами концепта в таком отношении являются мера его „охваченности”, „подробности” по сравнению со смыслом слова, степень сходства составляющих концепта, которые актуализируются в сознании разных носителей языка в единой связи. Также концепт определяется как сумма общих понятийных знаний в его национальной особенности и отношении с принципами русской и казахской культур, менталитета, истории

Ключевые слова: *концепт, языковая картина мира, концептуальная оппозиция добро-зло.*

Введение

Известно, что языковой образ мира так же, как и картина мира, отражает национально-культурную особенность каждого народа, при этом языковая

картина мира – своеобразное восприятие жизни, связана с национально-культурным содержанием явлений, предметов, свойств, обусловлена спецификой бытия народа. Концептуальная картина мира тесно связана с концептосферой, в ней отражаются своеобразие лингвокультуры этноса, его фольклора, литературы.

Одно из главных позиций в языковой картине мира русского, казахского, да и в принципе любого народа, занимают концепты, связанные с этико-моральными характеристиками личности. Это такие концепты, как „Долг”, „Вера”, „Добро”, „Зло”, „Власть”, „Душа”.

Концепт в филологии – устойчивая языковая или авторская идея, имеющая традиционное выражение. То же, что мотив (Ozhegov, Shvedova, 1996, p. 158).

Согласимся, что *концепт* – категория мыслительная, поэтому здесь возможны различные толкования и подходы, например, с философской, логической, психологической, культурологической и др.

Беспорно, что концепт – это ментальное дискретное явление, является одной из базовых единиц кода индивидуальности человека, имеет упорядоченную внутреннюю наполненность, представляет итог мыслительной познавательной деятельности личности и общества в целом, хранит целостную важную информацию об окружающем мире. (Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов-Алексеев, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.П. Нерознак, С.Х. Ляпин, С.Г. Воркачев и др.).

Цель исследования: Весьма актуально, что концепт рассматривается исследователями во взаимосвязи культуры и языка. В любом языке есть свои специфические национальные концепты (Ср.: казахское домбыра, кумыс, конак, юрта), а также концепты, бытующие во всех других языках, но имеющие различное содержательное наполнение (душа/жан, степь/дала).

Мы определяем концепт как категорию языка и культуры в их целостности и взаимосочетаемости именно в понимании человека, которая, являясь частью цивилизованного опыта и мыслительно-чувственной сферы, в определенной степени обусловлена опытом и знаниями человека об окружающей действительности; категория языка, посредством

которой культура связана с внутренним ментальным миром человека, так как именно через этико-нравственные, философские и пр. связи личность постигает национально-культурное специфику и уникальность своего народа.

Методы исследования. В исследовании предпринят анализ концептов слов в сознании носителей современного русского и казахского языков (источником послужил обширный языковой материал, представленный текстами русского фольклора и казахского народного творчества, в которых встречается употребление концептуальной оппозиции добро и зло), а также предложен комплексный анализ всех значений слова в их становлении и развитии, изложена история развития понятийного комплекса добра и зла (т.е. рассматривается концепт в „широком” смысле).

Лингвистическая трактовка лексем “добро” и “зло” в языковой картине мира казахского народа

Обратимся к определениям базовых понятий для полного понимания картины мира в культуре казахского народа.

Номады – кочевники, номадизм – культура кочевого народа. Три периода в развитии философских идей в творчестве кочевого народа: дописьменный, мифологический; творчество акынов и жырау, домусульманский период; мусульманский.

Символ – черта, знак, качество объекта, деятельность, служащие условными характеристиками явления, свойства, предмета, понятия. Символизм в казахской культуре выражал объективную реальность в синкретической форме. Сознание имело характер наивного реализма и мифологии, при этом природа обожествлялась. В действительности мифы в кочевой жизни казахов помогали им жить в мире и социализировать отношения людей.

Аллах – верховный Бог. Кыдыр – покровитель богатства. Сулейман – покровитель духов, а также водной стихии. Золотое начало внутри и серебряное снаружи белой юрты означало соединение двух начал

– солнца и луны, единство человека и космоса. Любая вещь в казахской семье наделялась философским смыслом и содержанием. К примеру, 4 фазы луны, 4 стороны света, 4 природные явления – вода, воздух, земля, огонь подчеркивали четырехзначное восприятие жизни. Цифра 3 также играла важнейшую роль в быте казахов-кочевников: собирание юрты включало три части – околodверную, срединную и тор. Юрта – символ мира, освоенной территории, бытие небесной и земной реальности. Поэтому сборка юрты начинается с двери.

Напомним символику животных: символ космоса – верблюд, конь – символ белого света, баран – знак материального. Вероятно, поэтому женщины ради многочисленного и здорового потомства приносили в жертву овцу. Если коза – символ неопределенности, то собака – священное животное, и ее нельзя ни бить и тем более убивать, кошка означает месть, значит, и она неприкосновенна.

Белый цвет – символ высшего знака, цвет Всевышнего, черный – знак смерти и потустороннего мира, желтый – знак богатства и т.п.

Совесь, по Шакариму (1858–1931), – „...это нравственное, гносеологическое, общеподобное понятие, сочетающее в себе скромность, справедливость, доброту. Совесь – это потребность и желание души человека” (Kudajberdiev, 1992, p. 45). Шакарим предлагает ввести в школе предмет „Совесь”.

Бедность, по Торайгырову (1893–1920), – „...это зло, причина которого заключается в имущественном неравенстве, т.е. в отсутствии справедливого общественного порядка” (Torajgyrov, 1971, p. 25).

Анализ лексики по концептуальной оппозиции добро – зло представляет интерес для многих исследований – например труды О.В. Шаталовой (Shatalova, 2009, p. 297), В.Н. Манакина и др. (Manakin, 2004, p. 326).

Бесспорно, *добро* и *зло* являются значимыми категориальными феноменами в языковой картине мира.

Ядерные семы для лексемы *добро* – это „правильное”, „приятное”, „душевное” в русском языке, соответственно, в казахском языке – жақсылық – „қайырымдылық”, „рахымдылық”, „адамгершілік”, „көрегенді”, „өнегелі”, „мейірімділік”. Для лексемы *зло* – „плохое”, „дурное”, „безнравственное”

в русском языке, в казахском языке жамандық – „жағымсыз іс, оқиға”, „зұлымдық”, „қастық”, „жауыздық” „бақытсыздық”, „бәле”, „ашу”, „кек”, „ыза”, „таба”.

Категориально-лексическим семам подчинены наименее сходные семы, уточняющие их, и это привносит семе иерархичность, дифференциальность. Для лексемы добро – „благо”, „благосостояние”, „благоденствие”, „собственность”. Для лексемы зло – „плохое”, „горе”, „страдание”, „злость”, „ярость”. В казахском языке дифференциальной семой для лексемы жақсылық являются: игілік, мейірбандық, мейірбандылық, рақымдылық, ізгілік, амандық; аман-есендік; саулық, көңілшектік, абырой; баһра; береке; ем; қайыр; мәнфағат; опа; өнім; пайда; шарапат; ырғын, дәулет; дүние; дүние-мүлік; мал-мүлік; мүлік.

Для лексемы жамандық дифференциальной семой являются следующие: залал; зиян; кесел, бақытсыздық; бәле; қайғы; қырсық, жазым; желкүз; қырсық; пәле; сәтсіздік, ашу; қаһар; ыза, айып; кінә; қылмыс, арамдық.

Периферийную линию образуют единицы других семем: „радость”, „благодать”, „успешность”, „веселье” и др.; и зла: „тайна”, „злословие”, „ложь”, „обман”. В казахском языке периферийная часть семантического поля „жақсылық” представлена такими смыслами: адалдық; ұждандылық, бақ; бақ-дәулет; бақыт; дәулет; мерей; нәубет; талан; ырыс, табыс, мерей, ауқым; бәтуа; бүтіндік; жарастық; қабыл; мақұлдық; ризалық; татулық. В периферийную часть семантического поля „жамандық” включаются следующие значения: кек; қысас; өш, азар; дат; жәбір; зәбір; өкпе; реніш, айып; айыптылық; жазықтылық; күнә; кінә, жәдігөйлік; куланушылық; кулықшылдық; мекерлік.

Исследование значимых составов лексем “добро” и “зло” в словарных дефинициях необходимо сопоставлять с их отображением в различных дискурсах, добро и зло представляют собой непростые абстрагируемые явления, толкование их более емко обозначается в контексте, таким образом, словарное объяснение не обнаруживает те признаки концепта, что отмечены индивидуально-национальной спецификой каждого народа.

Весьма важно, что в русской оппозиции добро – зло ассоциируется с нравственными нормами и постулатами христианства, мусульманская этика подразумевает конкретные нормы. Что касается мусульманской этики относительно оппозиции “добро – зло”, абсолютное соблюдение постулатов Корана весьма трудно, хотя не требуется от человека отчуждения между настоящим и должным. Истинный мусульманин имеет достаточно причин по поводу нравственных переживаний.

Понятия добра и зла в Православии представляют собой весьма значимые категории, которые связаны с религиозной, общественной, морально-этической, эстетической, витальной сферами жизни человека. Добро и зло в религиозно-языковом сознании православия связаны и с человеком, и с внешним миром.

В сознании народа категория добра характеризуется в разных вариантах – относительно к человеку, к внешнему миру и Всевышнему (Аллаху). Здесь обнаруживаются моральное, чувственное и прикладное начала. Наличие внутриязыковой оппозиции “добро – зло” позволяет развить отрицательные значения у дериватов с корнем *добр-*.

Лексема Зло понимается в сознании народа обоих языков в различных отношениях – в витальном, религиозном, социальном, этическом. Именно человек является главным источником зла.

В казахской лингвистической литературе в энциклопедии „Кругосвет” даны более 40 периферийных значений определения концептам „*Жақсылық*”, „*Жамандық*” (Entsiklopediya Krugosvet, p. 7).

Согласно анализу словарных определений феномена *добро – жақсылық*, определен состав, имеющий общее значение „все правильное, хорошее, морально-нравственное, верное”, который уточнен понятиями: благосостояние; благость; доброта; правдивость; радость; польза; долг; удача; успех; достаток; доброе отношение; хорошее дело, поступок; имущество; согласие.

Общим компонентом феномена *зло – жамандық* является „все плохое, дурное, безнравственное (противоположное добру)”, которое конкретизируется при помощи следующих частных компонентов: вред; беда; горе; напасть; неожиданность; ошибка, ярость, досада; грех; месть; злость; вина; обман (Mospanova, 2005, p. 14).

Лингвистическая трактовка лексем “добро” и “зло” в языковой картине мира русского народа

Состав центральных единиц семантического поля с наименьшими примитивными смыслами образуют ядро, или ядерные семы. По феномену *добро* – это „все хорошее”, „хорошее”, „лучшее”, „этическое”, по феномену *зло* соответственно – „недоброе”, „худшее”, „безнравственное”. Указанные семы, по Кузнецовой Э.В., обозначаются как стержневые (главенствующие, преимущественные, всеобщие): „архисемы” (по терминологии В.Г. Гака), т.е. категориально-лексические семы, являются значимыми в структуре лексического значения слова (Кузнецова, 1982, р. 82).

По мнению Маленковой А.А., ядро, как бы „обволакивается более сложным, специализированным значением” (Malenkova, р. 78), это придает семной характеристике иерархичность. Подобные семы являются дифференциальными. По лексеме *добро* – это „благодать”, „благосостояние”, „благочестивость”, „чудо”, „незлобивость”. По лексеме *зло* – „горе”, „ярость”, „остервенелость”, „злоба”, „скорбь”.

В периферию входят единицы основного значения семантического поля *добра*: „правдивость”, „благополучие”, „удача”, „удовлетворенность” и др.; *зла*: „грусть”, „враждебность”, „равнодушие”, „обман”.

Группируя семы по приближенности к ядру, необходимо опираться на синонимические связи семантических характеристик (*добро* – *хорошее* и т.д., *зло* – *плохое* и т.д.) и на отношения пояснения (*добро* – *радость*, *добро* – *удача* и т.д., *зло* – *корысть*, *зло* – *несчастье* и т.д.).

Как указывает Вендина Т.Н., „в многочисленных номинациях, актуализирующих идею Добра и Зла, представлена своеобразная философия языка русской культуры, которая объясняет устройство мира и, указывая на нравственные ориентиры, подсказывает способы выживания в нем” (Kirillina, р. 12).

Добро в Православном учении есть категория ценностная, по данным „Полного словаря церковно-славянского языка”: добро нареч.= хорошо (11,147). Добр = хорошо, пристойно, честно, пышно, справедливо, вер-

но, блаженно, свято; хорошо, исправно, искусно. Т.е. содержательное значение этого смысла передается при помощи производных с корневой морфемой *добр-*.

Категория Зла в богословии Православия отождествляется с понятием *греховности*, отчужденности от Бога, свойственна только человеку: „... Зло не касается Бога, оно исходит от самого человека, являясь его конституирующим признаком” (Vendina, p. 163). В Полном церковнославянском словаре отмечено: „Зло = 1. зло; 2. беда; 3. Грех” (Dyachenko, 1998, p. 203). Смысл этого понятия соотносится с помощью корневой морфемы *зъл*. По материалам „Толкового словаря живого великорусского языка” В.И. Даля, категория *добра* подчеркивает его материальность: „Добро – ср. вещественно, все *доброе*, ср., имущество или достаток, стяжание, добришко, особ. движимость» (Dal, 1981, p. 443). Категория *добра* в сознании народа соотносится в разных подходах – непосредственно по отношению именно к человеку, к окружающей вселенной, к Всевышнему. Здесь переплетаются и духовное, и нравственно-эстетическое, и материальное начала. Внутриязыковая дихотомия *добро – зло* способствует появлению отрицательных смыслов у дериватов с корневой морфемой *добр*. Категория *зла* в словаре В.И. Даля приводится подбором синонимов и указанием на антонимические смыслы: „Зло – ср. худое, лихое, худо, лихо; *противопол. добро*” (Dal, 1981, p. 683). *Зло* в языке русского народа рассматривалось с двух сторон – и интеллектуальной, и моральной, т.е. двояко: „Духовное начало двояко: умственное и нравственное; первое относится к *истине*, а противоположно ко *лжи*; второе к *добр*у (*благ*у) и к *худ*у, ко *злу*” (Dal, 1981, p. 683). Подчеркнем, лексема *зло* есть доминанта словообразовательного гнезда по отношению к словам *злость, злоба, злой*.

По словарю А.Н. Тихонова, данное гнездо состоит из 146 слов (Tihonov, 1985, p. 12). Отметим, прилагательных-репрезентантов концепта *зло*, указывающих на временный или постоянный признак, больше, чем характерных соответствий в концепте *добро*. Здесь важно подчеркнуть, что данный факт характерен для русского языка следующей чертой: слов по концепту *зло* намного больше по сравнению с концептом *добро*. Т.И. Вендина в исследовании „Из кирилло-мефодиевского

наследия в языке русской культуры” отмечает: „...нельзя не признать, что понятие „зло” покрывает значительно большую часть семантического пространства, чем понятие „добра”, и этот факт, как представляется, говорит об известном пессимизме языка русской духовной культуры...” (Vendina, p. 193). Отметим, что современное языкознание рассматривает концепты разных языков в сопоставительном ракурсе. При этом внутри одного языка контрастивный метод анализа концептуальных оппозиций конкретизирует понимание структуры внутреннего мира личности: отношения человека, философские, морально-этические, абстрактные и другие феномены. В роли репрезентанта концепта зло рассматривается также ЛСГ с общей семой „жестокость”. Возможно объединение слов *изуверский, неистовый, лютый, безжалостный* в один синонимический градационный ряд, характеризуя их репрезентантами концепта *зло*. Важно, что в представлении указанного концепта принимают участие лексемы разной морфологической принадлежности: имена существительные *неприятнь, беда, несчастье*; имена прилагательные *недоброжелательный, взбешенный, ярый, ехидный*, наречия *недобро, озверело, желчно*; глаголы *сердиться, страшнеть, мрачнеть* и др.

Репрезентантами феномена *зло* в фольклоре обоих языков возможны различные лексемы с семной характеристикой „терзание, мучение”: *боль, пытка, мука, скорбь, крест*, репрезентирующие концепт *зло* с разных точек зрения при помощи всевозможных лексико-семантических „приращений”. Важно, что смысл слова раскрывается именно в контексте. В фольклоре в роли способа репрезентации концепта *зло* используются всевозможные эпитеты: имя существительное *печаль* определяется оценочными прилагательными: *безвыходная, глухая, гнетущая; тоска: грызущая, давящая, неутолимая, зловещая, тревожная, сердечная*. Подобные средства языка, в контексте с определяемыми лексемами, являются источником появления добавочных лексико-семантических „приращений”.

В качестве *ближних и дальних периферийных значений лексемы зло* в обоих языках значатся слова, имеющие отношение к специфичным лексико-семантическим подгруппам:

- с имплицитной семей „злословие”: злословие, толки, худословие, клевета, трезвон, шушуканье, суды да пересуды, разговоры, перетолки и др.
- с общей семей „предательство”: отступничество, коварство, предать, измена, отщепенство, вероотступничество, клятвопреступление, вероломство др.
- с общей семей „гибель”: тлетворность, смерть, разрушение, умереть, светопреставление, убить, убийца, мертвый, мир иной, вечный покой, почить, могила и др.
- с общей семей „зеркало”: зеркало, зреть, отражение, поверхность, плоскость, зазеркалье, гладь и др.

В приядерную зону феномена *добро* входит одноименная лексема: имя прилагательное добродушный, имя существительное добродушие, глагол становиться добрым.

Ниже приведем значения лексемы добрый в толковых словарях русского языка (БАС и МАС) (Ed. Chernyshev, 1965; Ed. Evgeneva, 1984):

1. Расположенный к людям, отзывчивый. Исполненный доброты, сочувствия к ним, готовности помочь. // Выражающий расположение, сочувствие, отзывчивость. 2. Основанный на расположении к людям, желании добра; хороший, нужный, полезный людям. 3. Благоприятный, несущий благо, успех, радость. 4. Связанный взаимным расположением, взаимным сочувствием. // Основанный на взаимном расположении, сочувствии. 5. Очень хороший, отличный. // Доброкачественный, добротный. 6. Устар. и народно-поэт. Обладающий положительными человеческими качествами, достойный уважения. 7. Ничем не запятнанный, безупречный, безукоризненный.

Известно, что лексикология тесно связана со словообразованием. При изучении концепта необходимо учитывать, что в нем многосоставная структура со „всей совокупностью языковых и неязыковых средств” (Shatalova, 2009, p. 22). Подчеркнем, что само основное слово зло выделяется как стержневое значение концепта зло, которое „наиболее полно номинирует исследуемый концепт” (Popova, Sternin, 2001, p. 117).

Лексема *зло* является доминантой для словообразовательного гнезда, к которому относятся слова „злость”, „злоба”, „злой”.

Наиболее простым по словообразовательной структуре являются имена существительные *зло*, *злоба*, *злость*, образованные от корня *зл-* : слово *зло* образовано безаффиксным способом, *злость* – посредством суффикса *-ость*, *злоба* – посредством суффикса *-об-* с коннотацией отвлеченного признака (Zemskaya, 1973, p. 245). Высшей точкой словообразовательного гнезда является немотивированное имя прилагательное *злой*.

Значениями слова *зло* в современном русском языке являются: 1. Всё дурное, плохое, вредное. Борьба со злом; 2. Беда, несчастье, неприятность. Скоро он убедился в том, что *зла* мы ему не хотим; 3. Злое чувство, гнев, досада. Дай ты мне высказать все, сердце свое облегчить, чтобы *зла* не оставалось (Ed. Evgeneva, 1984, p. 611).

Концепт *добро* показателен в системе переосмысления ценностей: прежде в значении *богатый*, *полезный* и слова *плохой*, *худой*, употреблялись в единых связях (*богатая семья*, *худое дело*). В нынешнем понимании сопоставляются *злой* – *плохой*, *добрый* – *хороший*. Объектом рассмотрения довольно редко выступает человек в общем и целом, чаще рассматриваются отдельные элементы нравственной, к примеру, *руки*, *язык*, *любовь*, *жизнь*, *слезы* и поведенческой сферы, т.е. *действия*, *деятельность* и пр. В „Русском ассоциативном словаре” отмечено, что на стимул „*добрый*” у респондентов появлялись следующие ответы: *день*, *хороший*, *друг*, *малый*, *вечер*, *волшебник*, *дедушка*, *гном*, *доктор Айболит*, *дружелюбный*, *душа*, *дядечка*, *качество*, *крокодил Гена*, *лев*, *милосердие*, *молодец* и т.д. (Russkij asociativnyj slovar, 1998, p. 51). На лексему „*добро*” выявлены реакции: *делать*, *поминать*, *наживать*, *желать*, *пожаловать*, *помнить*, *отплатить*, *искать*, *польза* и пр. Полагаем, что в настоящее время идет переоценка ценностей: вымышленные сказочные образы, а также практические направления. Периферию ядра феномена *добра* составляют национальные образные концептуальные положительные понятия: *вечность*, *молодость*, *весна*, *икона*, *береза*, *отчий дом*, *сторона* и пр.

По морфологической принадлежности феномен *Добро* представлен, прежде всего, именами существительными и именами прилагательными,

имеющих абстрактные значения представления, образа и чувственного восприятия. В периферии находятся глаголы (*одобрять, добродушничать, задобрить, раздобреть, доброжелательствовать* и т.п.). Феномен *Зло* представлен, в основном, в понятийных формах глагола, к примеру: *озлоблять, злить, злиться, злословить, зловредничать* и др.; ассоциативные лексемы: *бесить, обижать, враждовать, вредить, доставать, умерщвлять, мучиться* и т.п.). Таким образом, *Добро* в меньшей мере относится к действительному процессу, это отвлеченное свойство. *Зло* формируется „в действии”, т.е. причинно-объектный носитель.

Согласимся с мнением ученого о том, что для русских важнее пользы – *красота* (Kolesov, 1995, p. 124), олицетворяющая понятие добра. Заметим, для русской лингвокультуроремы первоочередны такие лингвокультуроремы, как *дух, душа, стыд, совесть, желание, воля: добродушный, добропорядочный, добросовестный, добровольный*. Значит, в словарях русской национальной картины мира содержание концепта *Добро* определяется через чувство и образ.

Понятие морального зла выделяется постепенно из комплекса негативных оценок, в котором оно сплавлено с физическим и социальным. Исходной формой негативной оценки выступают переживания боли, страдания и производные от них эмоции (страх, гнев, обида и т.п.), в которых человеку представлены деструктивные аспекты реальности. Воображение опредмечивает эти переживания, связывая их с образами огня и грязи или персонифицируя в чудовищных демонических существах. В ходе культурного развития выяснялась этиология деструктивных сторон действительности, степень их опасности, способы нейтрализации (отстранение или активное противоборство) (Losskij, 1994, p. 101).

Выводы

Отметим, что концептуальные оппозиции есть сосредоточения концептов, построенные на антонимичности всесторонних и конкретных стержневых свойств и средств их выражения при необходимом содержании универсального семантического состава, к напримеру: „любовь – ненависть”, „хороший – плохой”, „день – ночь”, „богатство – бедность”.

Одним из основных этических норм является оппозиция „Добро – Зло”, которая, обладает спецификой содержания и структуры, будучи вербализована в текстах, в частности, в русском и казахском фольклоре.

References

- Dal V.I. (1981). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka [Explanatory dictionary of living great Russian language]*. Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries, In 4 vol. – 752 p. (in Russian).
- Entsiklopediya Krugosvet: Universal'naya nauchno-populyarnaya onlayn-entsiklopediya. Retrieved (01.06.2017) from: <http://www.krugosvet.ru/enc/> (in Russian).
- Kirillina N.V. (2011). *Osobennosti oppozicii “dobro-zlo” v yazyke liriki A.A. Akhmatovoj [Features opposition “Good–Evil” in the language of the lyrics of A.A. Akhmatova]*. (The abstract of PhD Thesis). Moscow, p. 12. (in Russian).
- Kolesov V.V. (1995). Mentalnye karakteristiki russkogo slova v yazyke i v filosofskoj intuicii [Mental characteristics of the Russian word in language and in philosophical intuition]. *Yazyk i etnicheskij mentalitet. [Language and ethnic mentality]*. Petrozavodsk, 124 p. (in Russian).
- Kudajberdiev, Sh. (1992). *Rodoslovnaya terkov, kirgizov, kazahov i hanskih dinastij. [Family tree of Turkic peoples, Kyrgyz, Kazakhs and hanskih of dynasties]*. Alma-Ata, p. 45. (in Russian).
- Kuznecova E.V. (1982). *Leksikologiya russkogo yazyka. [Russian lexicology]*. Moscow: Vyzhshaya shkola. (in Russian).
- Losskij N.O. (1994). *Bog i mirovoe zlo. [God and world evil]*. Moscow, 101 p. (in Russian).
- Malenkova A.A. (2004). *Sistema oboznachenij dobra i zla v russkom yazyke: strukturno-smyslovoj analiz semanticheskogo polya. [System of designations of the good and evil in Russian: structural and semantic analysis of the semantic field]*. (PhD Thesis). Moscow, 191 p. (in Russian).
- Manakin V.N. (2004). *Sopostavitelnaâ leksikologiya. [Comparative lexicology]*. Kyiv: Knowledge, p. 326 (in Russian).
- Mospanova N.U. (2005). *Konceptualnaya oppoziciya “DOBRO-ZLO” v folklornoj yazykovoj kartine mira (na materiale russkih narodnyh skazok) [Conceptual opposition “good and evil” in a folklore language picture of the world (on material of the Russian national fairy tales)]*. (PhD Thesis). Bryansk. (in Russian).

- Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar*. (1998). [*Unabridged Church Slavonic dictionary*]. Moscow: TERRA-Knizhny club, pp. 560-608. (in Russian).
- Popova Z.D., Sternin N.A. (2001). *Ocherki po kognitivnoj lingvistike*. [*Sketches on cognitive linguistics*]. Voronezh: Voronezh State university, p. 191. (in Russian).
- Russkij asociativnyj slovar*, book 6 (1998). [*Russian associative dictionary, book 6*], Moscow, pp. 51, 72. (in Russian).
- Shatalova O.V. (2009). *Koncept Bytie v russkom yazyke: istoriya i sovremennoe sostoyanie*. [*Concept Life (estate) in Russian: history and current state*]. Moscow: Publishing house: Moscow state regional university, 297 p. (in Russian).
- Slovar russkogo yazyka*. (1984). [*Dictionary of Russian: In 4 vol. Under the editorship of A.P. Evgenyevoy. Small Academy dictionary*]. Moscow. (in Russian).
- Slovar sovremeennogo russkogo literaturnogo yazykaa* (1965). [*The dictionary of the modern Russian literary language*]. in 17 vol. Under the editorship of V.I. Chernyshev]. Moscow. (in Russian).
- Tihonov A.N. (1985). *Slovoobrazovatelnyj slovar russkogo yazyka*. [*Word-formation dictionary of Russian*]. Vol. 1. Moscow: "A Russian language". (in Russian).
- Torajgyrov. (1971). *Izbrannoe*. Alma-Ata, p. 24. (in Russian).
- Zemskaya E.A. (1973). *Sovremennyy russkij yazyk. Slovoobrazovanie*. [*Modern Russian. Word formation*]. Moscow: Education, p. 304. (in Russian).
- Ozhegov S.I., Shvedova N.U. (1996). *Tolkovyj slovar russkogo yazyka* [*Explanatory dictionary of Russians*]. p. 158. (in Russian).

Received: 22.12.2017

Accepted: 12.02.2018